

ТРЕПАЧ

Девизъ „Трепача“:
— Бей его, — я его знаю!!

Еженедѣльный журналъ
сатиры, юмора и вопче.

Важная, подумаешь, птица!

Заняль дворець на Каменноостровскомъ, безъ отдачи до среды рублевку у прохожаго заняль, в тутъ тоже цѣлую страницу заняль. Самъ махонькій, плюгавый, одначе, вредный и злой. Разва-
дился тутъ!!

РАЕШНИКЪ.

Петроградъ. Дозвольте, братцы, потрепаться апосля четверги денатуратца,—можно про по-
30 апрѣля. литику, аль на кого навести критику, аль просто такъ про всякій пустякъ...
 Дома житья мнѣ совершенно нѣтъ: жена заѣла и наслѣдникъ шкетъ, а теща
 прямо проглотить хочетъ, все объ печку зубы точить, и отъ kota Кабысдоха приходится плохо,—въ
 большевики записался и форменно зазнался:

— Твоя, грить, колбаса—моя колбаса, твои волоса—мои волоса, а мой аппекить, мой аппекить,
 —а съѣсть я могу больше, чѣмъ рыба кить...

Замучилъ дымчатый каркадиль!.. Хоть подъ трамвай-бы что-ли угодилъ или въ трактиръ въ
 мясное блюдо... Да ужъ не вѣрю я въ такое чудо... Просто изъ дому сбѣжалъ, недѣлю на Обвод-
 номъ проживалъ, а теперь досталъ раекъ и къ православнымъ приволокъ: послухай, православные,
 рѣчи забавныя дурака Евсташики, въ клѣтчатой рубашкѣ, въ опоркахъ на босу и съ фонаремъ на носу...

Тольки, братцы, дорогіе провинціалы и петроградцы, хоша я и шилъ ханжу—одначе ничего
 мудрало не скажу, не такая у меня голова, чтобъ говорить умныя слова, а вотъ потрепаться,—
 такъ это я—радъ стараться.

Не глядите все-таки, молодички и молодки, буржуи и туземцы обводки, что говорю я хоша и
 съ перцемъ и съ собачимъ сердцемъ, и очень даже складно, —и самому Льву Толстому было-бы ладно
 и заѣла меня грусть—тоска... Хожу, чисто вареной треска съ картофью и на постномъ маслѣ.
 Глазышки мои алыя погасли, опустились сизія брови и носъ сталъ красиве моркови (не то отъ
 свободы, не то отъ денатуратной породы), а въ душѣ и грудяхъ бѣлоснѣжныхъ чертова прорва со-
 мнѣнній мятежныхъ.

Помню я начало прошлаго марта, ураганъ всенароднаго азарта, полное братство публки и
 начало Великой Республики, и въ этомъ самомъ мартѣ я не зналъ, что такое за слово партія,—
 бывало, только на бильярдахъ онѣ были да вотъ на станціяхъ партіи мяса гнили.

Въ началѣ марта вся Россія возетала, вся сплошь старый строй добывала,—тогда всѣ мои
 приятели, братцы—обыватели, словъ задарма не тратили, не болтали обалдѣло, а дѣлали свое дѣло.

Смотрю тогда кругомъ,—кипитъ работа: у митрошки моего два пулемета, у лавочника Ивана—
 два нагана, у извозчика Антропа—газовая маска изъ окопа, у горничной Наташки—три централки,
 у художника Гаврюшки—двѣ пушки, у Маруськи шкицы—затворъ отъ гаубицы, а у меня у шкета
 три огромныхъ пистолета... Стрѣлять было не въ кого окромя фараона мелкова, одначе всѣ хо-
 дили и вверхъ палили,—и разомъ пошла жисть заново: не стало Коленки Романова, Ниловыхъ,
 Алабашей, Алисъ и прочихъ титулованныхъ крысъ...

А какъ свершилось все дѣло, посторонняя публика налетѣла замѣсто прежняго фараона, какъ
 было во время оно. Были прежде господа и слуги, одни во дворцѣ, другіе въ лачугѣ, были крестья-
 яне, были мѣщане, были титулярные, были надворные, были свѣтлые и были черные... Каждому
 была своя клѣтка, у каждаго въ паспортѣ отмѣтка: такой-то рабъ Вожій, обшить кожей, недонки
 за нимъ сто колесъ, примѣта—синій съ крапинками носъ...

И теперь насъ раздѣлили на клѣтки, надписали каждому отмѣтку:

— „Сей человекъ—ортодоксальный эсъ-дѣкъ, тысь гражданинъ первого сорта и больше ни-
 какого черта.“ — „Сей моншеръ—изъ партіи эсъ—эръ, можетъ дышать и ходить, воду пить и блохъ
 давить, гражданинъ со шварой, потому не очень ярый.“ — „Сей стрекулцетъ индивидуальность, любить
 свободу и душу, околачиваетъ грушу, не признаетъ власти, каталажки и части,—его можно бить,
 можно оскорбить—вообще енъ парій, хоша и пролетарій“...

— „Сей хамъ стихійный—человекъ безпартійный: любить пожить, кулебяку осадить, выпить
 водочки, поѣсть селедочки, любоваться природой, упиваться свободой,—эту сволочь надо брать за
 жабры и возить на манеръ швабры, можно и убить за то, что не хочетъ эсъ—декомъ быть“...

И какъ представляю я, братцы, это, такъ и падаю съ табурета: зачѣмъ, молъ, мы свободи
 добивались, зачѣмъ Республикой восторгались, разъ замѣсто Романова получили Ленина да Плеха-
 нова, изъ участка околодокъ и звонъ „селедочек“...

Извините, читатели, что на дурака вы вниманье потратили, читайте лучше „Трепачь“ жур-
 наль... Можетъ, въ немъ повеселѣе будетъ... А золь заснете, Евсташка, разбудить—я на стрѣмъ
 буду...

Пріятнаго аппекита!..

Евст. Боговазенскій.

Марксистка.

— Кто и что мнѣ не говори, а орудія производства должны быть собственностью трудящаго класса, и никакихъ березовыхъ!!

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ виду громаднаго тиража „ТРЕПАЧА“, приходится съѣшить съ печатаніемъ журнала, что сильно отражается на художественной его сторонѣ.

Издательство рѣшило сдѣлать пробу печатать „ТРЕПАЧЬ“ безъ красокъ. Въ видѣ компенсации всѣмъ полугодовальцамъ и годовальцамъ подписчикамъ будетъ разслана бесплатная премія — большое сатирико-юмористическое произведеніе Евст. Богоявленскаго съ красочными иллюстраціями изъ художниковъ.

ГОРОДЬ

Такъ и пышетъ зноемъ — польмемъ
Раскаленная земля.
Не стоитъ, не садится,
Тянетъ въ лѣсъ и на поля,
Шиты, камень, зной и пламень...
Раздавилъ насъ городъ-змѣй.
Эхъ бы, въ поле къ свѣтлой волѣ,
Гдѣ раздолье зеленѣй.
Эхъ-бы въ поле, къ свѣтлой долѣ
Да въ цвѣтущій поле — садъ,
Гдѣ в травы величавы,
Гдѣ буселочки звенять,
Гдѣ и лютики и клеверъ
Ткутъ узоръ огнемъ своимъ.
Да чтобы къ югу и на сѣверъ
Быль просторъ неоградимъ,
Только къ волѣ не добратъся, —
● Здѣсь до поля путь далекъ!
Городъ блудный, многолюдный
Вяжеть пыльный заволокъ,

Городъ змѣй сковаль гранитомъ,
Раздавилъ насъ камнемъ плитъ.
Да и люди — здѣсь не люди,
А безчувственный гранитъ.

М. Андреевъ.

БРОЖЕНІЕ.

(Изъ недалекаго будущаго.)

— Мамка! Мамка! Сал-лладатты идуть!... Съ музыкой!..
— Ать! Два! Ать! Не иначе, какъ вонъ этотъ кучерявый — рязанскій нашъ... Ать! Два!
— Милыи, да тутъ весь полкъ!..
— Да еще и съ хвостикомъ!
— Какъ это понимать?.. Вотъ взять гасъ да въ комиссаріатъ... За такія слова...
— И занапрасно вы отецъ дяконъ, будемъ такъ говорить, линючія слова непускаете. При нашемъ, можно сказать, санѣ и вдругъ на манеръ мильцаера. И къ тому гро хвостъ, что видать

позадь полка обозъ тянется и нестроевая кастрюль-
ная рота...

— И куда это теперича столько солдатъ
направляется?.. Многое множество...

— Нѣсколько!.. Шиннадцать флаговъ, и при
каждомъ флагъ своя рота...

— Ать! Два! Ать! Два! И люблю я, брат-
цы, маршъ „Подъ двуглавымъ орломъ“. Когда въ
Тираеволь!..

— Гляди, гляди!.. Конница поѣхала...

— „Конница!“ Деревня! Кавалерія! Дра-
гуны... И что это, братцы, до чего глушь дере-
венскій народъ!..

— Извините, мы, извѣстно, неученые. Смот-
римъ — кава-релія, а для чего, не понятно...

— Что за народъ собрании?

— Надо такъ полагать, — человекъ убили!..

— Гдѣ убили? Кого убили? Топоромъ?

— Господинъ милицанеръ, кого убили?

— Проходи, проходи, кого надо, того и
убили... Начальство разбереть...

— Антерелія пошла! Эва пушки...

— Да, страсть большія. Ежели теперича
такую зарядить да палнуть...

— Ба-альшее сотрясеніе выйдетъ.

— А вона конная милиція поѣхала. Эскад-
ронъ. А это, братцы, не парадъ, потому ночь
скоро...

— Сичасъ просвирия отъ Николы сказа-
вала: война.

— Война? Съ кѣмъ же это къ вечеру война?
Утромъ ничего не слышно было.

— Телеграмма, слышь, пришла. Англичанка
в Германія въ союзъ на Москву идуть.

— Какъ это понимать? Ежели просвирия
зваетъ, а священникъ и діаконъ не знаютъ, то
это выходитъ смущеніе паствы. За такія ваши
слова васъ бы въ комиссаріатъ...

— Оно, конечно, отецъ дяконъ, вратъ тоже
по чину нужно, а только она вдовица сурьезная
и очень не молодая, восьмой десятокъ...

— Извѣстно, при такихъ ейныхъ годахъ об-
разовавши и на вѣтеръ не будетъ...

— А вонъ те и милицанеры фараоны пошли.
Со всѣхъ участковъ... Эва-нъ и хтыхебель изній...

— Смотри, комиссаръ, а за ѣмъ помощникъ
евоный...

— Ну, братцы, и набьютъ теперь наши шею
англичанамъ, помяните мое слово.

— А что это семинаристовъ съ гимназистами
гонять?..

— Шаюны военные. Слышь, Австріи пере-
дались и разные планты...

— А вонъ и чиновника какого-то ведутъ...
Сердешный, пзъ пробирной палаты это...

— Позвольте, да я вовсе не учитель, у меня
отраженіе къ пьянству.

— Тамъ разберуть, пожалуйста...

— На старости лѣтъ да на такое дѣло...

Семейный, должно, польстился...

— Да вовсе это не шпионы. И никакой
войны! А просто въ рыжемъ домѣ, которъй.
спиртъ нашли.

— Тамъ семинаристы спиртъ глушатъ. До-
стали бутылку цѣльную, сеledка тамъ у нихъ,
пирогъ съ говядиной, истинный Господь... Сидятъ
и глушатъ несповѣдимо!..

— Какъ это понимать, господинъ гражда-
нинъ? Извините, за такія слова... Смущеніе на-
рода... Ежели спиртъ, то бываетъ артиллерія, пѣ-
хота, конная и пѣшая милиція, саперы, но тог-
да при чемъ же нестроевая рота?.. А?.. Какъ
вы полагаете?.. Значить, война!..

— Конечно, война. Чего онъ тутъ шебар-
шить... Заберите его, отецъ дяконъ...

— Выводять, выводять! Ишь, фараоны про-
клятые! Интеллигенція!..

— Позвольте, причемъ тутъ интеллигенція?

— Пролетарій шпирту пить не станеть, яв-
ственное дѣло.

— Почему это? Развѣ онъ не человекъ?
А Демьянъ Вѣдный выпить не хочеть?

— Нѣтъ, онъ натрескается картофи аль
каши и учнетъ Карлу Марксу за 10 ко-
пѣекъ изучать, потому сознательный. А тиллиген-
ціи подавай канпанію, спиртъ пить, свободу лич-
ности... Сволочи!..

— Допились, кровопийцы! Теперь погуляйте
до Сибири, вампиры.

— Позвольте, граждане, за что? Малость
долбанули... Ну что-жъ...

— Ничего! Иди, иди, сволочь, мразь автил-
легентная... Тамъ разберуть...

— Толиа! Расходись! Не совокупляйся!

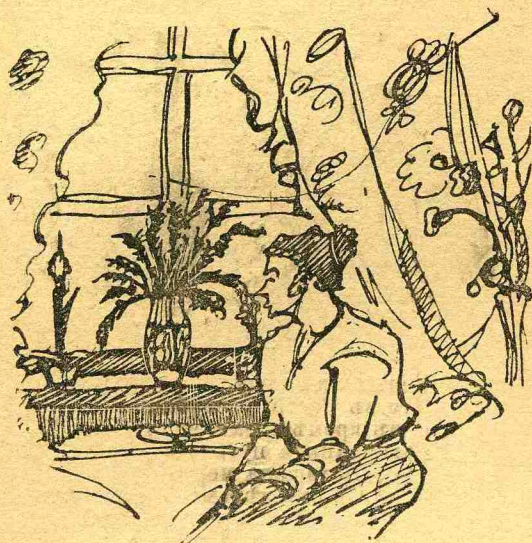
Евст. Б—ій.

Вилленькѣ письмоце.

„Грепач“, не шая затратъ, выкралъ съ почты
свою открытку. Пейзажикъ!

ЖЕСТОКІЙ РОМАНСЪ.

Скучно и грустно мнѣ барышнѣ стало...

Впикнуть сырень у окна.

По небу облачки бродятъ устало,

Облачки синь-волокну.

Дѣвничей комнаты бѣлья стѣны

Тонуть въ вечернемъ огнѣ.

Желтый цвѣточекъ, цвѣточекъ измѣны,

Присланъ измѣнникомъ мнѣ.

Ахъ, позабылъ онъ свою дорожку,

Вольше къ нему не пойдю.

Вѣрно, нашель онъ по сердцу другую,

Съ нею гуляетъ въ саду.

Былъ онъ три года моимъ кавалеромъ,

Алья ленты дарилъ.

Нынѣ—же сталъ онъ миллионеромъ,—

Какъ-то особенно милъ.

Грозный такой и за поясомъ пика.

Прямо великій герой.

Храбрость не сходитъ со строгаго лика,—

Боязно даже порой.

Красная лента пылаетъ въ петлицѣ...

Очень ужасно красивъ.

Чо безъ вниманія теперь онъ къ дѣвнѣ,

Сердце свое погасивъ.

Ахъ, до чего въ милицейскомъ порывѣ

Стали мужички не тѣ!..

Знаю, въ военной-то формѣ красивъ

Чѣмъ въ своемъ штатскомъ пальтѣ!..

Клавдія Бизюкина.

ВЪ КОНТОРѢ «ТРЕПАЧА».

— Я, видите-ли, въ Чухломѣ живу, завтра уѣзжаю... Такъ вотъ пожалуйста дайте 1, 2, и 3 номера и за три мѣсяца впередъ. Вѣдь, вамъ все равно, поди.

ВЪ ТРАКТИРѢ „ШАЛОНЪ“.

(Шалонный разговоръ).

— Мамзеля, подсыпь кипяточку.

— Такъ вотъ и смекай. Который онъ понимающий—не будетъ. У него все въ акурать, тоись въ плепорцію.. И въ обращеніи когда, и все прочее точность имѣеть. Такой тотъ. Онъ ежели въ сонатку, такъ не иначе, а когда, въ ребро, то—тоже. Но съ подходемъ и безъ наскоку. Наскокъ, онъ штука глупая и правильности нѣтъ въ немъ.

Гаврила Гулькинь наполнилъ чаемъ стаканы своихъ собесѣдниковъ: Терехѣ—мастеровому по сапожной части и Авдотѣ—горничной.

— Слобода теперь... Слобода что, когда она безъ пониманія. Режимъ.

— Это точно,—согласился Тереха,—но ты скажи мнѣ, что есть теперь слобода, когда ее нѣту.

— Тоись, въ разсужденіи чего ты?

— А такъ, воопче...

— Слобода, это какъ бы тебѣ.. ослободженіе будетъ. Возьмемъ, когда ты въ услуженіи былъ—били?

— Извѣстно, безъ этаго никакъ невозможно было.

— Вотъ... Шпандиремъ, или подъ зобъ, или какое другое касательство по существу, и ты только съ самочувствіемъ, а никакой амбиціи, хоса и въ кровъ. Теперь не то. Онъ затрещину, ты чичастъ:—Въ силу какой такой статьи закона? Ну, что онъ тебѣ тутъ можетъ сказать? Конечно, когда съ насकोкомъ ты, то обратную дѣйствительность учинишь, но опять же только драка, а этого, который правильный, не будетъ, вотъ я и говорю: слобода это есть чтобы все по статьѣ закона.

— Мамзеля, кипяточку.

— Ежели мнѣ выпить хочется, фортель какой протанцовать, или тамъ съ барышней, въ примѣръ, разговоръ поразговаривать нащетъ всего прочаго и въ полномъ объединеніи съ ней при всемъ народѣ. Тоись безъ настоящаго, но все же?

— Режимъ это. Провокація. Слобода не домъ какой и строгость должна.

— Строгость. Всякій понимаетъ. Безъ нея фисгармония одна, только когда нугро требуетъ, чтобы все навывалъ, какъ есть птица животная.

— Отначе дамскій полъ тутъ присутствіе имѣеть, Тереха.

— Да я не къ тому, а только въ отношеніи слободы нервы всей.

— Въ отношеніи слободы нервы, обхождение должна понимать. А то безъ резону, безпокойство одно.

— Это выходитъ на манеръ стерилизованнаго молока, или ханжи безъ алкоголизма. Нѣтъ натуральности да и скусу на грошь. Впримѣръ, какъ чловѣкъ у котораго голова и прочая организма вареная будетъ.

— Натуральность и не должна быть. Встѣ мы въ одежѣ ходимъ, теперь же и гаврилку должны одѣть.

— Выходитъ тогда, что слободы то и нѣтъ, а приличность одна. Душа и всякое сердце, возьмемъ, жительства не будутъ имѣть,—гаврилка задупитъ. Вотъ хотя я. И заработокъ—во! Двѣсти колесъ, не въ счетъ харчи. А какая корысть? Тоска и скука. Выпить—запрети-

дельно, а съ ханжи—невидимость пристать можетъ. Такъ-же товарищи. Ты, Гаврила, мнѣ товарищъ былъ хороший, но теперь не то. Глушесть, необразованность мою видѣть сталъ, потому пролетарія у тебя въ мозгѣ завелась.— Духъ чижолой и думы нѣтъ отъ сердца котораго говоришь что ты,—а мнѣ насупротивъ сказать стѣснительно? чичась „безсознательный“. А какой я безсознательный, коли все чувствую, и ежели чего, то сдачи могу дать. Опять же барышни которыя,—не про вась, Авдотья Ильинишна, будетъ сказано. Раньше ей на три копейки семянокъ или орѣховъ каленыхъ фунтъ когда съ деньгой, такъ она тебя и кавалеромъ обзываетъ и деликатность допускать можно, тогда никого вокругъ. А теперь, вишь, слова ей подай всякія, которыя по образованному и чтобы лицо нагншемъ, да съ выраженіемъ было, и калоши чтобы новыя. А въ кинематографъ сведи, гдѣ каплетистъ въ хвостатой поддевкѣ и съ капустой въ петлицѣ прохладается начетъ дамскаго полу. Интеллигенція!!

— Вы меня обижаете Терентій Карпычъ,— возразила Авдотья.

— Да я къ слову.

— Кипяточку, мамзель.

— Точки въ тебѣ нѣтъ, Тереха. Смятеніе одно. А безъ гочки человекъ цивилизаціи не понимаетъ, ходу правильнаго нѣтъ въ немъ.

Гаврила аккуратно разлилъ по стаканамъ чай. Авдотья взяла газету и съ пристальной внимательностью стала разсматривать чью то рекламу, гдѣ былъ нарисованъ лихачъ.

— Это по какому случаю лошадь въ газетинѣ показана?

— По причинѣ слободы. Бѣжить, значить, критика,—авторитетно пояснилъ Гаврила.

— А про женщинъ тутъ есть понятіе?

— Должно... Лошадь и лихачъ на коляскѣ объясняетъ мужчину и женщину: вмѣстѣхъ бѣгутъ, тоисъ равноправіе.

— До чего все задумчиво тутъ показано,— прямо понять даже невозможно.

— Которому безсознания—трудно.

— Гдѣ ужъ намъ ужъ...—угрюмо огрызнулся Тереха.

Авдотья тянетъ чай съ блюдечка, далеко, по господски, отставляя мизинецъ.

Тереха лѣниво обводитъ глазами окружающихъ и расплывчатая, томящая тоска мутитъ его.

— Дурость все. Буржуазія жидкая. Вотъ имъ и праздникъ сегодня. А что въ немъ, когда все по статьѣ закона—и въ плепорцію? Слобода, говорятъ, удавиться подходяче тутъ. Какая корысть въ томъ, что мы контрибуцію большую получаемъ? Чай, онъ вещь спокойная, и только потъ, да безпокойство ежели на ночь. Прошло, когда можно было. Слобода?... И чай Терехъ кажется безвкуснымъ, и компанія неинтересною. Скучно Терехъ!..

Кузьма Желтый.

АРГУМЕНТЪ.

— Петръ Ивановичъ. А барышнѣ вообще можно идти въ этотъ ресторанъ? Тамъ прилично?

— Помилте, Марь Гаврилна. Тамъ строго. Меня самого оттуда два раза за безобразія выкидывали. Страсть строго.

ОТКРЫТКА ВЪ „ТРЕПАЧЪ“ ИЗЪ ПЕКЛА.

Услыхали въ аду,
Что въ Россіи республика,—
И въ кромѣшномъ чаду
Загорланила публика.

Потащала чертень
Съ ихъ дѣтьми-чертенятами.
Жаля свистомъ плетей,
Подгоняя ухватами...

Въ этомъ самомъ году
Были въ пеклѣ волненія...
И съ апрѣля въ аду
Перемѣна правленія.

Е. В.

МАЙ.

(Сентиментальный стишокъ).

Пришла пора расправиться
Отъ снѣгу и отъ сна:
Идетъ-гудеть красавица,
Идетъ-гудеть весна.

Цвѣтущій, восхитительный
Несетъ намъ свѣтлый рай
Зеленый, упоительный,
Веселый мѣсяцъ май.

Дуброва ароматная...
И зеленъ, и цвѣты...
И солнце благодатное...
И юныя мечты...

Ликующій, сверкающій,
Лети скорѣй, блистай,
Какъ рай благоухающій,
Веселый мѣсяцъ май!

Сердца истомнымъ трепетомъ
Уже напоены,
Все выкинетъ передъ лепетомъ
Красавицы весны.

Маевки... Рѣчи жгучія...
Зеленая трава...
Линючія, тягучія,
Марксистскія слова...

Спиртныя склянки кипами
Вывозятъ на возахъ...
Полны квартиры типами,
Внушающими страхъ...

Малець-ли выпивающій,
Питухъ-ли горькій,—знай:
Пришелъ къ тебѣ ликующій
Свободный мѣсяцъ май.

Исторія привычная:
Въ май мѣсяцъ не до сна,—
Идетъ-гудеть типичная
Россійская весна.

Зоя Заполье

РАЗГОВОРЧИВЫЙ

— Пардонъ, молодой чловѣкъ, очень извиняюсь. Я вижу, — вы торопитесь? Послѣшность свойственна молодости.

О, молодость, какъ ты прекрасна съ ея пыломъ и первыми переживаниями наярвующей жизни.

Вы, видимо, спѣшите на свиданіе? Голубоглазая блондинка съ застѣвливой улыбкой, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Она васъ ждетъ, тамъ, на углу, боязливо оглядываясь по сторонамъ. Томится, и не подозреваетъ, что предметъ ея увлеченія занятъ пустымъ разговоромъ съ совершенно постороннимъ чловѣкомъ.

Милая, славная дѣвушка.

Но вы можете спѣшите, къ умирающему, близкому чловѣку? Какая печаль затемняетъ мою душу. И я совершенно посторонній, крѣпко держу васъ за пуговицу, только за пуговицу, только за ничтожную пуговицу, а тамъ гаснетъ жизнь. А вѣдь присутствіе у одра умирающаго, можетъ, скрасило бы его послѣднія минуты.

Постойте, постойте, молодой чловѣкъ! Къ чему возраженія? Они совершенно излишни, какъ и ваша попытка освободить свою пуговицу отъ моихъ пальцевъ.

У меня великолѣпно развита мускулатура... Холодный душъ, штанги... До сихъ поръ строптивые уходили отъ меня не иначе, какъ съ раздробленными грудными клѣтками, и съ вывороченными скулами.

Куда врешься, молокососъ?. Ну иди, чортъ съ тобой.

Вотъ скотина, мозглякъ, и часовъ то приличныхъ не имѣеть... Ну что — эта шваль? — грощъ цѣна.

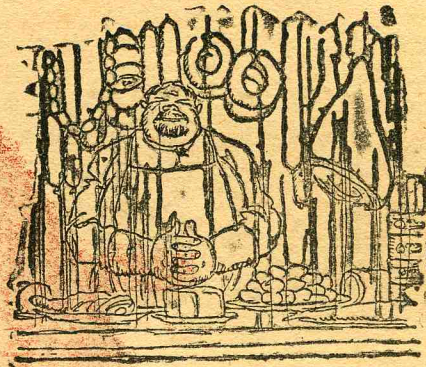
А, поди, проклинать меня будетъ, когда хватится, что часовъ нѣтъ. Заплачетъ, пожалуй.

Шантрапа!..

ПИРУШКА.

Ворота у шинка растворились,
На своихъ на двойхъ гости вѣхали.
Фонаремъ-синякомъ приукрашена,
Молодая жена чернобровая,
Выходила впередъ съ миной хмурюю.
Обносила гостей политурою.
А хозяйская дочь съ апельсинчикомъ,
Угощаетъ родныхъ керосинчикомъ.
Гости пьютъ и ворчатъ на Германію.
А въ больницѣ ужъ ждуть всю компанію.
Изъ больницы въ тюрьму... Новоселіе!..
Таково-ль хорошо ихъ веселіе!

В. Вегеновъ.

ЛИХО.

Закручинился Ванька — верзила,
Съ бѣднымъ парнемъ случилось лихо:
Крѣпко сердце ему занзила
Изъ села Грызуны старостиха.

Хороша дочь у старосты Настя,
Краснощека, спина въ два обхвата,
Но... къ Ванюхѣ не чувствуетъ страсти.
Настя любитъ московскаго хватя.

Чай, москвичъ... Одѣвается хватомъ:
Въ спенжакъ, при часахъ и манишкѣ,
Красный галстухъ, повязанный бантомъ...
Гдѣ-жъ тутъ Ванькѣ переть въ армячишкѣ.

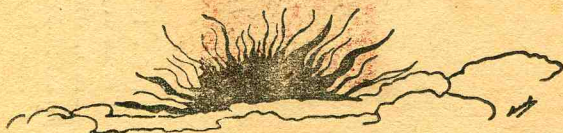
И съ тоски да съ кручины Ванюха —
Добровольцемъ пошелъ на Балканы,
Тамъ забудетъ зазнобу Настюху
И залѣчитъ сердечныя раны.

М. Андреевъ.

ВЕСЕННЕЕ.

По веснѣ да по пригрѣву
По румяному
Красны дѣвки-королевы
Шли полянами,
Пѣли пѣсни, пѣсни — звоны
Про царевича:
Гдѣ миль-сужень нареченный,
Радость дѣвичья?
Въ зеркала рѣки глядѣлись,
Во хрусталины,
Шли, гдѣ травы зеленѣлись,
На проталины.
Ой, вы травы-первоцвѣты
Повесенніе,
Сердце лаской не согрѣто,
Въ немъ смятеніе,
Гдѣ то милый королевичъ
Нецѣлованный?
Ахъ, приди, приди, царевичъ,
Облюбованный!..

Мих. Арт

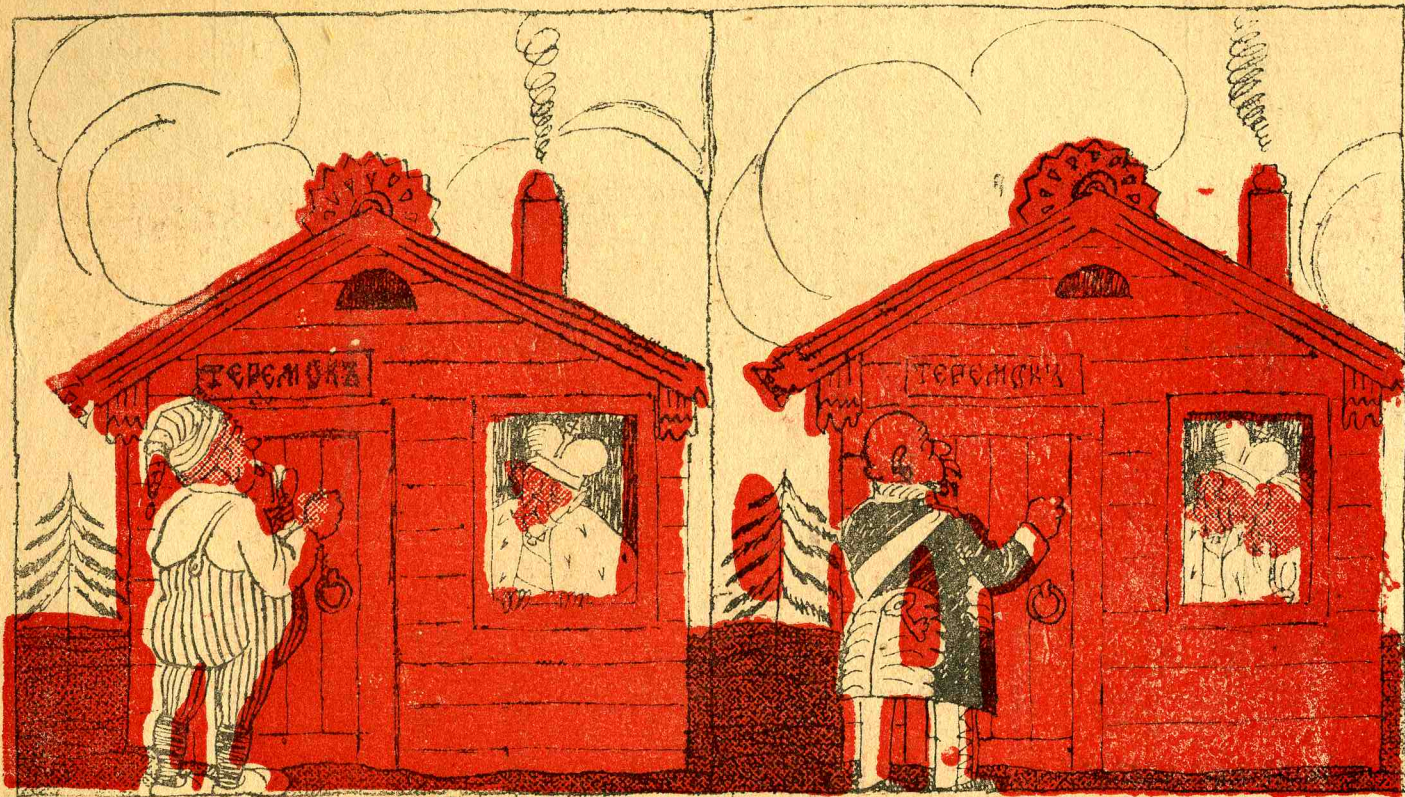

— Скучно. Ни одной интересной души около, съ кѣмъ бы поболтать...

— Слава Богу, если есть, что сболтать. А вотъ у насъ ни политуры, ни денатурки. Одурь беретъ.

Теремокъ

(Почти не сказка)

— Тукъ... Тукъ... Тукъ!..
— Что за стукъ?
— Это я,—глунышка,
Врагъ всякой свободы,—
Мышка Норышка

Нѣмецкой породы..
Вмѣстѣ поголѣсимъ!
— Милости просимъ!..
...Зажили, припѣваючи!

Снова стукъ..
— Врагъ или другъ?
— Эхъ ты, Царь-пушка,
Я--лягушка-квакушка,
Мухъ мужицкихъ хвалъ,

Сытый бюрократъ..
Хамамъ вызовъ бросимъ!..
— Милости просимъ!..
...Зажили, припѣваючи!

— Тукъ... Тукъ... Тукъ..
 — Занять кругъ!
 — Пора вамъ давно кишъ!
 Не ворочай морды-жь!
 Я—заяцъ поскокишь,
 На горѣ увергышь,

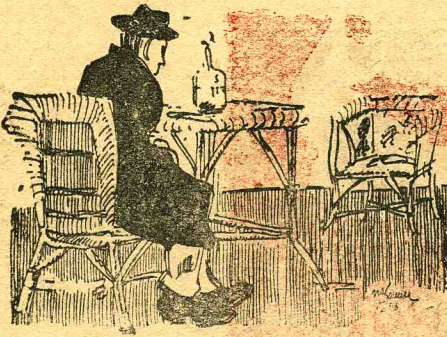
Вездѣ въ фаворѣ—
 Распутинъ Григорій!..
 Открыть ларець.
 — Ползай, старецъ!—
 ...Зажили, припѣваючи...

— Тукъ... Тукъ... Тукъ!..
 Грозный стукъ...
 — Что за хамъ
 Лѣзеть къ намъ?
 Здѣсь мышка въ фаворѣ,
 Лягушка-квакушка,

Старецъ Григорій
 И самъ Царь-пушка...
 Ну, значить, прочій
 Въ покоѣ оставишь?
 — Ну, нѣтъ, я—рабочій
 И васъ всѣхъ давишь!..

Сергѣй Михѣевъ.

ПОЛОЖЕНИЕ СЪ

— Капиталовъ у меня нѣтъ. Самъ денегъ не дѣлаю. Наслѣдственнаго—только полагра. Спрашиваются: буржуй я или пролетарій. Ежели пролетарій, то почему меня товарищемъ не зовутъ. А ежели буржуй, то по какому праву у меня въ карманѣ только двугривенный,—и то фальшивый...

РАСПОЯСАЛИСЬ.

Въ судѣ.

— Обвиняется гражданинъ Федотъ за нанесеніе раны ножомъ гражданкѣ Савельевой 54 лѣтъ на Невскомъ проспектѣ.

— Какъ было дѣло, товарищъ Федотъ?

— А ну васъ!.. „Дѣло!“ Како тамъ „дѣло“!.. Она идетъ, и я иду. Гольки вижу—буржуазія, — въ шляпкѣ, съ радикулемъ, и собака на цѣпу. Я и пустилъ пера...

— По приказу Временнаго Суда выражаемъ гражданину Федоту сильное порицаніе. Идите, товарищъ, и впредь не увлекайтесь.

— Обвиняется рядовой Еремѣй Кудыткинъ въ томъ, что при многочисленныхъ свидѣтеляхъ отдалъ честь генералу Отлетову на Малой Пушкарской.

— Чѣмъ вы объясняете вашъ поступокъ, гов... граж... тѣфу, чѣмъ ты это объясняешь, рядовой Кудыткинъ?

— Такъ что... Оно, ежели.. Примѣрно, будучи...

— Не крути вола, говори точнѣе.

— Такъ что мы съ имъ вмѣстѣхъ въ бою были, а потомъ въ шлѣпу. Ну а тамotka ентъ меня на свой счетъ харчеваль.. Ужъ больно генеральъ хорошій.. То ись, во!.. Человѣкъ!.. Я ему всегда честь, по всей моей деликатности..

— Молчи. Не бубни. Указомъ Временнаго Суда штрафуешься на 300 рублей. До внесенія штрафа—подъ арестъ.

— Обвиняется гражданинъ Аполлонъ Скульптуркинъ за распіе въ компаніи художниковъ 200 граммъ спирта. Подойди ближе. Чѣмъ занимаешься?

— Я художникъ. Выпить. Думаль, что живу въ свободной странѣ. Въ компаніи. Соучастниковъ не выдамъ. Можете хоть разстрѣлять.

— Пить съ удовольствіемъ?

— Съ буттербрдами и очень большимъ удовольствіемъ.

— По указу Временнаго Суда налагается штрафъ въ 10 тысячъ. Милиція, возьмите эту сволочь!.. Слѣдующій.

Дома.

— Пелагея! А, Пелагея!

— Ну, чего вамъ?

— Штрафую тебя сегодня на сто рублей — Вчера сто, сегодня сто!.. А жалованья платите семнадцать съ полтиной, да еще на три блюда готовь.. Вотъ вамъ мой и скажь: ищите вы себѣ другую!..

— Штрафую тебя еще на сто рублей за вмѣшательство въ дѣла депутата Временнаго Суда.. А за супъ еще на сто..

— А што супъ-то?..

— А то, моя милая, что я люблю, чтобы супъ былъ совсѣмъ лысый.

— Лысый?

— Да, лысый; чтобы въ супѣ ни одного волоса не было, а у тебя сегодня былъ пѣлый шиньонъ..

— Не иначе это, какъ котъ Васька терся. Евонные это волосы.

— Штрафую кота Ваську на сто рублей!

— Дерется все съ Амишкой, ну, это у нихъ шерсть и летитъ; рази усмотришь?

— Штрафую собачку Амишку на сто рублей.

— Да што штрафъ? Дверь надо починить, а то они всѣ шляются со двора.

— Кто «всѣ»?

— Да Трезорка вотъ, Шарикъ тоже.. Дверь надо..

— Штрафую Трезора на двадцать пять рублей, а Шарика на сто рублей..

— Вишь онъ што понимаетъ? Совсѣмъ вредный песъ, никакого человѣчьяго языка не понимаетъ: ты ему говори или шваброй, а онъ те такъ и претъ въ дверь. Силища въ емъ, что въ слонѣ.

— Штрафую слона на сто рублей.

— А дверь-то почините?

— Штрафую дверь на сто рублей.

— Мнѣ расчесть пожалуйста. Никакого терпѣнья нѣтъ!

— Штрафую терпѣнье на три рубля, а расчесть—на сто рублей.

— Тѣфу!

— Штрафую тѣфу на ст.. Тѣфу! Тѣфу! Совсѣмъ я съ тобой тутъ зарпортовался.. Пошла вонъ!

— Мнѣ расчесть пожалуйста..

— Пошла вонъ!

— Мнѣ расчесть пожалуйста..

— Не слушаться? Штрафую тебя на сто рублей!

— Сызнова пошло..

— Штрафую „сызнова“ на сто рублей!

— Все штрафъ, да штрафъ..

— Штрафую „штрафъ“ на сто рублей!

— Тѣфу!

— Какъ?! Что?! „Тѣфу“?.. Штра..

— Пошло!.. Ну, мнѣ убирать комнату надо.. Штрафъ-то вы ужъ потомъ.

— .. „потомъ“ на сто рублей..

— Барыня ругаться будутъ,—

— .. „будутъ“ на сто рублей..

— Дескать, плохо стараешься..

— .. „раешься“ на сто рублей..

Женя Фартовый.

МАНІФЕСТАЦІЯ

...собрания акционистов и держателей дивидендных и фондовых бумаг. Вынесены революционные резолюции.

Соло: Царь-банкир изъ тебя тянетъ жилю,
Царь-банкиръ пьетъ зайчиною кровью,
Жоръ Гонодай, чтобъ они нарожда

Голодай, чтобъ въ игрѣ биржевой
Они совѣсть и честь продавали,
Чтобъ ругались они всѣмъ табакѣ

Догала, подальше, рабочий народъ,
Имя да врага, людъ голодный.

СКАЗКА О КОТЪ КОТАНЫЧЪ НИКОЛАЪ РОМАНЫЧЪ.

Былъ Котъ Кабысдохъ
 И пройдоха и жохъ,
 Дѣла не дѣлалъ,
 Съ дѣла не бѣгалъ.
 Не съ кѣмъ играть не могъ
 Котъ Кабысдохъ!
 Только и зналъ—
 Кошьякъ лакалъ,
 Изъ всѣхъ котовъ
 Онъ масло жалъ;
 Онъ жалъ да жалъ,
 Тюрмой пужалъ,
 Однихъ пужалъ,
 Другихъ сажалъ...
 Всѣмъ угрожалъ
 Его кинжалъ.
 Въ лигой коронѣ
 Сидѣлъ на тронѣ
 Черный котъ.
 И былъ въ загонѣ,
 И былъ въ разгонѣ
 Честной народъ.
 А кошка-кошатка
 До сладкаго падка
 Пѣсенки пѣла,
 Хвостомъ вертѣла,
 За корень зла

Все отдала.
 Кошка котовна
 Была любовна,
 Любовь крутила,
 Всѣмъ воротила,
 Чины раздавала,
 Но этого мало.
 Крутила, давила,
 Вся соль, вся сила
 Кошкина царства
 Въ ней была.
 Бѣглый котиче
 Гришка ворище
 Черный бѣсъ
 Къ ней подлѣзъ,
 Кошка котовна
 Съ нимъ зажила.
 Въ этомъ и кроется
 Корень зла.
 Дочки-кошатки
 Играли въ лошадки,
 Скакали на палкѣ,
 На палкѣ-скакалкѣ,
 Да были всѣ валки,—
 Не тѣшили палки...
 Тогда въ угѣху
 Кота имъ дали:

Утѣшить горе,
 Прогнать печали.
 Скакали, скакали
 Въ бѣломъ залѣ,
 Играли, играли
 Да стыдъ потеряли—
 Хвостъ трубой—
 Гурьбой,
 Пошла писать!..
 Прознало царство
 Про ихъ коварство,
 Пошли гурьбой—
 На честный бой.
 И тутъ такъ вышло:
 Пришло имъ дышло.
 Коту Кабысдоху
 Стало плохо,
 Кошкамъ-кошаткамъ,
 Божимъ лошадамъ
 Тоже—не сладко.
 Не скачутъ на палкахъ,
 На палкахъ-скакалкахъ
 По заламъ по алымъ
 Со емѣхомъ бывалымъ.
 Хоронятся
 Сторонятся... тово...

Нѣкто въ заплатяхъ

ЛЕКЦІЯ.

Передъ домомъ, гдѣ помѣщается комиссаріатъ, дворникъ мететь улицу...

Подходить паренъ въ чулкахъ и лаптяхъ:

— Землякъ, а землякъ!..

— Кому землякъ, а тебѣ товарищъ! Чего тебѣ?

— Ну, товарищъ! Чивой это будетъ, вонъ что самое? Домина такая?

— Ко-ми-са-р-ьять!..

— Ко-ми-са-р-ьять?... Поди-жь ты!.. А чивой это такое будетъ?

— Да комисарьять, говорятъ тебѣ!

— Что-жь, трахтирь такой?

— Какой тамъ тебѣ трахтирь... Сказано, комисарьять... Скубенты въ емъ занимаютъ замѣстъ фараоновъ...

— Ску-у-бенты?! Вонъ она!—А што-жь они за скубенты такіе?

— Да, звѣстно: скубенты какъ скубенты...

— А какъ же аны тамъ занимаютъ?

— Какъ?.. А вотъ, ежели сказать для примѣра, нализался ты ханжи да и померъ... Смотрять тябя, всѣ карманы тябѣ повыворочить, а документѣвъ при тебѣ никакихъ не окажется... Што съ тобой дѣлать? Волокутъ тебя за загривокъ въ этотъ самый комисарьятъ.

— Да, возьмутъ этта тебя скубенты, разложить тя на столѣ, брюхо твое разрѣжутъ, вынуть изъ тебя всю нутренность... Положатъ печенки сюда, селезенки туда, посмотрять этта въ микроскопской телескопъ разный, понюхаютъ и сразу скажутъ: съ чево ты померъ, какой ты ны на есть человекъ, какой ты значить губерни и какого уѣзда и какъ тебя по отцу да по матери кличутъ... Понялъ?

— Ко-о-о-и-стя-ту-ция!

В. Горюнинъ.

ДВОРНИЦКАЯ.

У хозяина, у Каина,
Огромный небо-скребъ.

У хозяина у Каина
Массивный мѣдный лобъ.

Самъ живетъ въ бель-этажѣ,
Цѣлый день ѣсть да пьетъ,
А въ подвалѣ на стражѣ
Работающій народъ.

Младшій дворникъ Вавила,
Младшій дворникъ Гаврила,
Младшій дворникъ Данила,
Младшій дворникъ Тома,

Да Вавилина Марья,
Да Гаврилина Дарья,
Да Данилина Луша,
Да Томина Груша—

— Во пародищу!! Тьма!

Да у Марьи Гришутка,
Да у Дарьи Мишутка,
Да у Луши Петюшка,
Да у Груши Сергушка,—
Хоть клади въ закрома,
Воздухъ спертый, что въ ямѣ...
Рѣжь ножомъ да и жуй...

Братцы, кончите сами:
Кто хозяинъ?.....

Оратель.

моц'ятельная Россія.

— Пусты, Дары, табаку большае. Денатуржъ — онъ ежи безъ толченаго стекла, — табаку большае гребываитъ.

Зеленая зависть.

ГОСТИ.

О, господа, Никола Милостивый. Пьет чевой-то. Не то калгановыя, не валерьяновыя... А можетъ и йодъ на спирту... Лафа аптекарямъ то!!

Шли дѣтишки,
Ребятишки-
Проказники
Къ себѣ домой
На праздники.
На Тишкѣ-калишки,
На Вовкѣ-головки,
На Машѣ-гамаша,
А Петька Косой
Босой.
Шли—пошли,
Домой пришли,
Гулять пошли..
Собрались дѣтишки.
Глядятъ на калишки
На ногахъ у Тишки.
Вотъ такъ потѣха,
Умрешь со смѣха,
Мы дома живемъ,
Да и те обуемъ
Сапоги—не калишки,
Глянь, ребятишки..
Говорить Вовка:
— У меня головки.
Говорить Маша.
У меня камаша,
А Петька да Тишка
Не знаютъ, что и сказать!
Да выручилъ дядя Силантий:
Крикнулъ ребятамъ:
— Отстаньте!
Вѣдь они изъ Петрограда.
А тамъ и этому рады!
Такъ и гуляли:
Тишка въ калишкахъ,
Вовка въ головкахъ,
Маша въ гамашахъ
А Петька косой—
Босой!

Мих. А.

МАТЬ.

Вы боитесь, что мой голосъ звучитъ неровно,
Но не думайте, что я страдаю.
Это оттого, что сердце бьется любовно.
Когда я о миломъ сынѣ вспоминаю.
Говорятъ, что на судьбу роптать—грѣхъ,
И я вовсе не жалуясь на долю,
Но изъ устъ сына моего веселый смѣхъ
Никогда не звучалъ. И мнѣ страшно поне-
вольѣ.
Онъ былъ еще ребенокъ и жутка была пе-
чаль

Его, какъ ночь юга, темныхъ глазокъ;
Они смотрѣли.. съ тоской куда-то вдаль
Даже при чтеніи волшебныхъ сказокъ,
Когда же я смотрѣла въ эти глаза.
Стараясь понять ихъ тоску роковую,
Въ нихъ вдругъ проявлялась—слеза
И я его въ отчаянныя цѣлую.. цѣлую..
О эти слезы не давали никогда
Постигнуть тайну думы чудесной.
Отчего въ глазахъ мука всегда
Мнѣ только теперь лишь стало извѣстно.
Теперь, когда разгорѣлась война
И онъ растаялъ со мною,
Вдругъ тайна души его стала ясна:
Онъ избранъ быть жизнью самою.
За подвигомъ—подвигъ. Горячимъ ручьемъ
Радости сердце мое зативалось
Мой сынъ награжденъ уже третьимъ крестомъ

О, не даромъ я имъ всегда восторгалась.
Скорблю объ одномъ лишь неволно:
Зачѣмъ тайну печали поздно узнала,
Но узнала-ли всю?. Довольно, довольно!
Мнѣ показалось, что тѣнь черная встала..
И хотя онъ пишетъ, что вернувшись съ поля
чести

Беззаботно на мѣръ Божій взглянетъ,
Но я знаю: опъ—герой и жертва—вмѣстѣ;
Сердце матери никогда не обманетъ!.

Андрей Солнечный.

ВЪ АПРАКСИНОМЪ.

— Ваша послѣдняя цѣна?
— 10 рублей—съ, видитъ Богъ.
— Полтинникъ. Больше не могу.
— Помилуйте, разрази меня на этомъ мѣ-
стѣ, сами платимъ девять семьдесятъ портному.
— Полтинникъ даю.
— Ну, ладно, для васъ только,—берите за
восемь.
— Шесть гривенъ.
— Истинный Господь.. Сами платимъ... Да
вы посмотрите матерьялъ.
— Шесть гривенъ... До свиданья.
— Ну, Господь съ вами.. Берите для по-
члау... Ей Богу въ убытокъ себѣ...

РАЗГОВОРЪ.

- „Всё мое“ сказалъ крестьянинъ.
 — „Всё мое“,—сказалъ Стекловъ.
 — „Всё куплю“,—сказалъ крестьянинъ.
 — „Всё возьму“,—сказалъ Стекловъ.
 — Ну, такъ чтожь? спросилъ, крестьянинъ.
 — Ничего!..—сказалъ Стекловъ.
 — Вонъ пошелъ! сказалъ крестьянинъ
 — И пойду!—сказалъ Стекловъ. ■

Хоть убей—„Испра.“

ОНЪ и ОНА.

Пронзитеесь красною иглой,
 Пришпоривъ болью духъ мятежный!
 Долой! Да здравствуетъ долой!
 Могучъ порывъ души безбрежной!
 Долой!

- Долой? Ну нѣтъ, милой!
 Сказала Лена мнѣ несложно.
 — Сейчасъ долой твое „долой“.
 А послѣ ужина—возможно..

Шлана.

ТРЕЗВЕННИКЪ.

- Я тебя пожалуй найму. Водку пьешь?
 — А ни Божже мой! Развѣ что рюмочку,
 да и то съ похмѣлья.

ПОЧТОВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ „ТРЕПАЧА“.

Проклинающему Е. Ф. Богоязленскаго. Въ какой конюшнѣ воспитывался, дядя? Ты-бы подпоясаяся, а?.. А въ общемъ,—отвяжись. М. П. Альто. Стихи слабы. Пограмотнѣе кабы... А. Федотову. Тожо—не очень гоже. Магнусу Лидестъ. Шпарьте покороचे. Бар... Ку... Но. Вамъ съ барышнями познакомиться? Можно-съ Брюнетокъ и шатенокъ нѣтъ. Блондиночку завернуть прикажете-съ? Н. Михайлову. Подтика всёмъ надоѣла. Давайте что нибудь бытовое. Лили Безумной. Скучно и безсодержательно. Снесите въ „Барабанъ“ или въ „Осколки“ Слесарю 42—031. Вашу квартирную хозяйку „Трепачъ“ приговариваетъ къ штрафу въ 100.000 рублей. Подлая, видно, баба. Мар. Пав. С—овъ. Раньше я не имѣлъ права называться господиномъ, а теперь свободный пролетарій, и пишете поэтому на письмахъ: „Евст. Фрол. господину Богоязленскому“. А слово „товарищъ“ очень затаскано—не люблю. Юмористу. Увидите М. Н. Савярова, попросите, чтобъ онъ мнѣ позволилъ: 494—75 или 58—00. Очень онъ мнѣ нуженъ. Лизочкѣ. Ежели вашъ щенокъ пойнтерь или догъ,—подарите его мнѣ. Я его возведу въ дворянское достоинство и буду очень его уважать. Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. Присылайте стихи, рассказы, сценки, анекдоты, рисунки, карикатуры, шаржи. Прилагайте адреса.

Принимается подписка на еженедѣльный журналъ

Трепачъ. Сатира, юморъ, лирика, бытъ улицы города, деревни, политика, литература и вопче.

Ц Ъ Н А:

До конца года—5 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 60 к. Отд. №—15 к.

— Дворникъ, тутъ гдѣ редакция и контора „Трепача“.

— „Трепача“? Тутъ нѣтъ. Тутъ всё приличные господа живутъ... Трепачей тутъ нѣтъ. А сходи ты въ Эртелевъ пер., домъ 3, тамъ у нихъ контора. Это знаю.

— Спасибо, голубчикъ. Значить, Эртелевъ 3.

— Эртелевъ, 3. А ты чово это принесъ!

— Стихи въ „Трепачъ“.

— А ну!.. Прочитай! Очень я стихи обожаю.

— Ну, слушай:

О добродѣтели кто яростно рокочетъ,

— Тотъ лжець!

Кто о чужомъ смиреніи хлопочетъ,—

— Тотъ подлень!

Кто безвозмездно всѣмъ совѣты подаетъ,—

— Тотъ интриганъ!

Кто спирту чистаго и прочаго не пьетъ,

— Тотъ сверхъ—болванъ!

Кто любитъ кашу лучше калача,—

— Такъ тотъ новаторъ!

Кто не читаетъ Трепача,—

— Тотъ провокаторъ!!

— Лловко!.. Ну, иди.. Евстафъ Фролычъ—онъ напечатаетъ... Сынь!.. Скажи, что я одобрилъ.

— Значить: Эртелевъ, 3. До свиданья..

Все въ прошломъ.

Всякій, у кого хоть немного осталось сознаніи и стыда, скажите, не вызываетъ-ли у васъ теплыхъ слезъ эта милая симпатичная картина? Признайтесь!!!